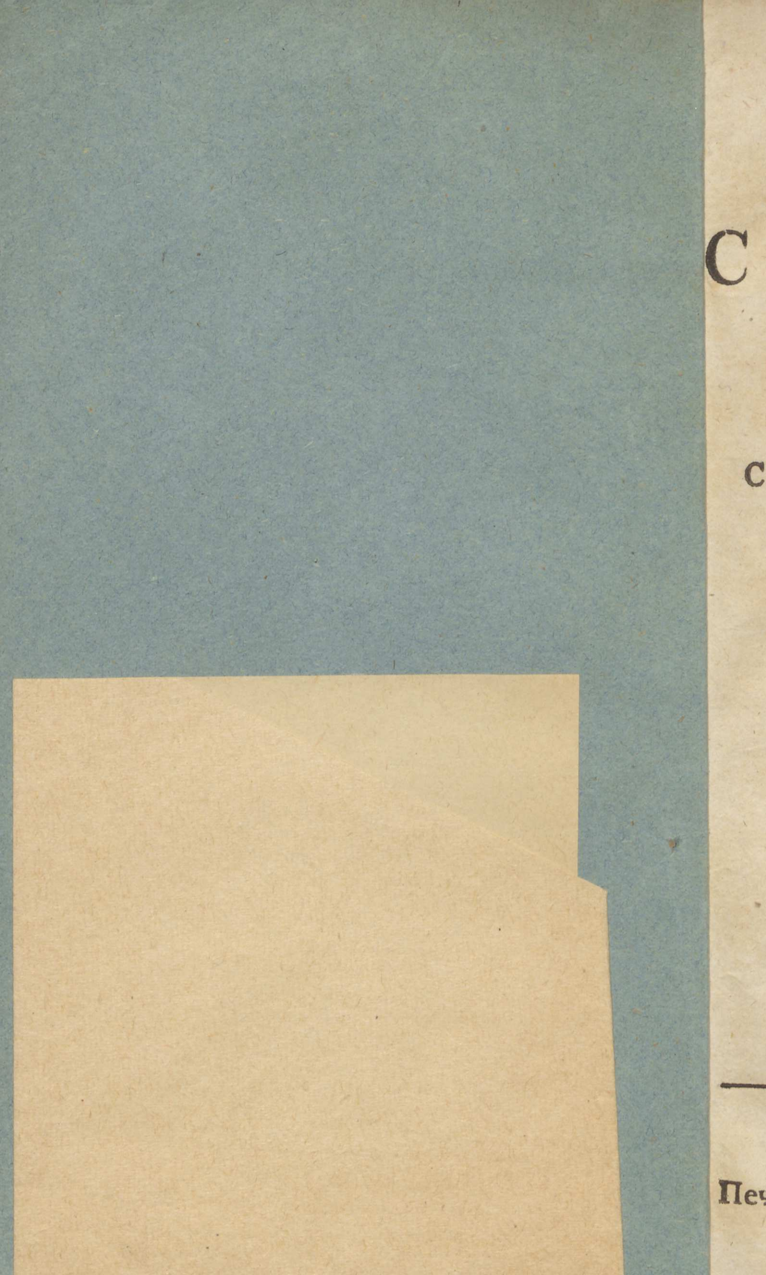

ДАМОНОВО СНОВИДѢНІЕ.

Переведено
съ французскаго языка.

ВЪ Санктпетербургѣ
Печатано вЪ вольной Типографіи Вейтбрехта
и Шнора, 1779 года.

Красавица моя!

Издавна уже посвятилъ я тебѣ мое сердце, а нынѣ приношу тебѣ въ даръ моихъ трудовъ переводъ, на которой, употребилъ я тѣ скучные часы, кои разлучась съ тобою, провождалъ въ уединенiи. Не пеняй меня холодностiю, буде не найдешъ въ немъ страстныхъ изреченiй, пылкаго воображенiя и пламеннаго чувствованiя. Сочиненiе сiе не моего произведенiя и я при переводѣ для того единственно д ржался точности подлинника, чтобъ дать тебѣ ясное понятiе о различiи чувствованiй и тѣмъ самымъ убѣдить тебя, что я умѣю любить нѣжнѣе прочихъ. Какъ

ни трудно изобразить словомъ душевнаго стремленія, пріятныхъ ощущеній и вообразительнаго услажденія; однако мнится мнѣ, что любовникъ одаренный нѣжнымъ сердцемъ и пылкимъ чувствомъ найдетъ во всякое время довольно сильныя изреченія къ изображенію дѣйствій своего духа. Если бы ты когда нибудь поручила мнѣ описать нашу лобовь, сіе исполнилъ бы я съ особливымъ удовольствіемъ. Ибо нѣтъ на свѣтѣ любезнѣе упражненія какъ писать о любви, которую или чувствуешъ, или когда нибудь чувствовалъ. А что бы ты знала, какой планъ здѣлалъ бы я сему сочиненію, объ ономъ я тебѣ раскажу въ короткихъ словахъ. Оставя вступленіе, каковымъ обыкновенно начинаются сочиненія и котораго бы и я не оставилъ помѣстить въ моемъ, первѣе всего началъ бы я описаніемъ состоянія моего, каковымъ наслаждался будучи всегда равнодушенъ и имѣя чувства чуждыя всякаго

каго пристрастія. Потом представил бы тебя явившуюся нечаянно моим глазам. Изобразил бы твою величественную осанку, благородную походку, прекрасные черты лица, умильной взор и все твои прелести меня пленившія. Описал бы также как при узреніи тебя все старые предметы внезапно потеряли всю свою приманчивость и ты одна стала милейшим образом всех моих дум и размышленій. Как сердце мое гордившееся до того своим спокойствіем возчувствовало в тот раз некую священную силу влекущую его соединиться с твоим и как все чувства, кои до того занимались каждое свойственным ему предметом, устремились на одну тебя и кроме твоих прелестей ни чем на свете не любовались. Но все сіе составляло малую только часть моего благополучія. Мне нужно было всегдашнее твое присутствіе, твоя благосклонность и искрен-

ность чувствій, кои бы одобряли мою любовь; однако достигнуть до сего не могъ я такъ скоро, какъ желалъ: и сіе самое было причиною что всѣ часы тогдашней моей жизни протекали въ безпрерывной горести. Время сіе описалъ бы я столь печальнымъ и несноснымъ, сколь можетъ только человѣкъ въ настоящемъ своемъ благополучіи описать минувшее злощастіе. Я жаловался бы на твою холодность, коею платила ты всѣ нѣжности мои, убѣгая меня и презирая мои умильныя взгляды Пенялъ бы тебя нечувствительностію, съ какою ты взирала на всѣ мои муки и страданія. И однимъ словомъ, вменялъ бы тебѣ все то въ вину, что причиняло мнѣ смертельную досаду, уныніе и отчаяніе. — На семъ бы мѣстѣ я остановился и попоручилъ бы тебѣ самой написать продолженіе, поелику оно до тебя касается Тутъ должна ты будешъ открыть всѣ тайныя мысли и чувствія сердца

твоего

твоего и къ стыду своему признаться, что всѣ твои сопротивленія были не что иное, какъ одно притворство и что въ то самое время, когда мученіями моими думала забавляться, сама сугубо и любовью своею и моими терзаніями мучилась. За симъ остается мнѣ еще одинъ предметъ. Сей предметъ есть та минута восхищенія, то мгновеніе сладострастія, когда возжегъ въ сердцахъ нашихъ огнь торжествующей любви, соединили мы души наши во едино. . . . . Позволь мнѣ, красавица моя, остановиться на семъ знаменитомъ періодѣ плана нашей любовной повѣсти. Онъ есть такая достопамятность, при воспоминаніи которой духъ мой стремится и сердце излѣтаетъ паки къ тебѣ. Въ сію самую минуту воображаю видѣть всѣ твои прелести, прикасаюсь къ нимъ нѣжнымъ осязаніемъ и любезно оныя цѣлую. Слышу голосъ твой, ощущаю твое дыханіе и хотя отдаленъ отъ тебя; однако

все меня увѣряетъ, что я сей часъ съ тобою бесѣдую, подношу переводъ и готовлюсь съ напряженнымъ вниманïемъ слушать твое безпристрастное мнѣнïе на мой планъ, размышляя самъ въ себѣ, что если расположенïе онаго и поверхнее мыслей начертанïе тебѣ понравится, то трудъ мой награжденъ будетъ больше, нежели я себя ласкалъ.

Я есмь * * * *

Переводчикъ.

Покоясь нѣкогда во объятіяхъ пріятнаго сна, вкушалъ я сладчайшее удовольствіе. Душа моя, освободившаяся на нѣсколько времени отъ всего ее безпокоившаго, негодовала, что пробужденная не плѣнялась уже болѣ тою мечтою, которая толикою сладостію упояла ея чувства.

Представлялось мнѣ, будто бы я пренесенъ былъ въ нѣкій садъ устроенный искуствомъ рукъ человѣческихъ и преудивительною хитростію самыя природы. Видя сіе пришелъ я во изумленіе. По семъ мало по малу опамятовался и первое паки мнѣ возвратившееся чувство было зрѣніе. Отъ пораженія ли красотою предмѣтовъ мною разсматриваемыхъ, или отъ усыпленія прочихъ чувствъ, кои ничего душѣ моей не преподавали, не имѣлъ я сначала никакого другаго чувствованія кромѣ зрѣніемъ произведеннаго.

Уже Фебъ, оставляя Тиѳїю, облекалъ лазуревой небесной сводъ утреннимъ свѣтомъ и звѣзды исчезали въ свѣтоносной ясности Аврориной. Обитающїе по всей окрестности пастухи выходили изъ своихъ хижинъ: одни загоняли стражей своего паства и садовъ: другїе заботились о скотѣ разнаго рода, которой время уже было гнать на пастьбище. Всѣ они оказывали усердїе и вѣрность своимъ хозяевамъ.

По всюду видны были чудныя игры и забавы природы, и все сїе позорище терялось въ самомъ небесномъ сводѣ. Птицы оставляли свои гнѣзда и вылѣтали въ поля и лѣса для сниcканїя себѣ нужной пищи: красота ихъ пѣрьевъ, порывистой полѣтъ и прїятной ихъ напѣвъ, напрягая мой взоръ и слухъ въ прилѣжному вниманїю, раждали въ душѣ моей ощутительное удовольствїе.

Рыбы, которыхъ еще солнечной зной не принуждалъ скрываться во глубину водъ, плавали на тихой поверхности и резвыми своими играми изъявляли радость о возвращенїи Авроры.

Цвѣты, которые въ ночное только время цвѣтутъ, начинали сжиматься, какъ будто бы для отъятїя у солнечнаго зноя силы, съ какою онъ дѣйствуетъ надъ прочими

произ-

произрастѣнїями. Всѣ древесные листы, всѣ былїя и прозябенїя, изукрашенныя какъ бисеромъ чистою и прозрачною росою, приносили оную въ жертву дневному свѣтилу пятиричнымъ пламенемъ осїявающему вселенную и облекались въ пять разновидныхъ цвѣтовъ, коихъ блескъ, образованїе, узорочность и пестрота восхищаютъ зрителя и вливаютъ въ душу прїятное ощущенїе.

Робкїе елени съ своимъ приплодомъ скрывались по лѣсамъ. Дикїе вепри искали въ ущелїяхъ горныхъ убѣжища отъ звѣроядныхъ псовъ рыщущихъ безъ боязни по непроходнымъ буеракамъ. Заецъ, пробѣжавъ нѣсколько отъ своего логовища, останавливался и въ робости настороживалъ уши озираяся во всѣ стороны: птицы разнаго рода летѣли стаями ко привольнымъ мѣстамъ веселяся и любуяся природою все оживляющею и украшающею.

На поляхъ ходили резвыя лошади, кои брали во всемъ первенство надъ пасущимися быками, и смѣлою своею ступью казались быть горделивы, и съ трудомъ наклонялись къ зеленой травѣ опредѣленной имъ въ пищу.

Въ концѣ алеи узрѣлъ я изъ далека женщину, которую нѣкое страшное чудовище

пожрать

пожрать стремилось: власы ея были растрепаны и казалось что простирая руки къ небу, призывала она Боговъ на помощь. Не помышляя о опасности, бѣжалъ я съ расторопностью спасти сїю нещастную. Чудовище, укротившее внезапно свою ярость, меня изумило: я подошелъ ближе и примѣтилъ мое заблужденїе. Искусный истуканщикъ своею хитростїю обманулъ мой взоръ и неодушевленную вещь представилъ мнѣ живо существомъ одушевленнымъ. Долго смятенный ужасомъ стоялъ я неподвижимъ и наконецъ позналъ, что сїе было изображенїе Андромеды.

Осматриваясь, увидѣлъ я недалече оттуда другїе бесѣдки построенныя внутри прекрасной рощи. Влекомъ любопытствомъ шелъ я прямо къ онымъ. Первымъ поразившимъ меня предмѣтомъ была прекрасная женщина лежащая разметавшись и до пояса обнаженная. Возлѣ ея стоялъ лебедь: онъ прикасался головою прекрасной ея груди, глаза его сверкали пламенемъ, а поднятїемъ крылъ изображалъ онъ нѣкое стремительное и радостное чувство. По приближенїи моемъ позналъ я образъ божественной Леды представленный хитрою рукою искуснаго художника. Я остановился, дивясь изяществу работы; но душа моя, плѣнясь нечувствительно предмытомъ, стремилась соединиться

съ

съ подобіемъ неодушевленнымъ и роптала, что толь преизящное твореніе не одарено душею.

Подлѣ сея бесѣдки стояла другая, въ коей было великое множество разнаго рода насѣкомымъ и птицъ. Всѣ сіи разнообразные предмѣты обозрѣвалъ я съ несказанною жадностію. Сколь дивна и преизящна природа въ составленіи и самыхъ мѣлчайшихъ частицъ! Цвѣтъ, размѣръ, сложеніе, все казалось устроено съ преудивительною хитростію и узорочностію. Удивлялся я какъ червь обвивался самою тончайшею паутиною и готовилъ изъ того самъ себѣ гнѣздышко, въ коемъ перераждался послѣ въ бабочку. Потомъ оставя сіи дивныя красоты, спѣшилъ я видѣть прочія сего сада украшенія, уповая найти еще большей важности предмѣты.

Вошедъ въ новую бесѣдку, нашелъ я тутъ чрезмѣрное множество каменьевъ. Одни блестящею своею наружностію меня прельщали, а другихъ чудный и преузорочный видъ возбуждалъ мое вниманіе. Тутъ видѣлъ я, какъ малая подобная камню груда привлекаетъ великія тяжести желѣза и оную притянувъ держитъ нѣкоею невѣдомою силою. Внизу лежали разныхъ родовъ минералы и металы, раковины и множество другихъ вещей, которые не разсматривая оставилъ

вилъ я, влекомъ будучи нѣкіимъ тайнымъ предчувствованіемъ уготованныхъ мнѣ пріятнѣйшихъ забавъ.

Осмотря сіи бесѣдки, сошелъ я на поземь испещренную разными прекрасными цвѣтами. Долго наслаждался я обоняя пріятный запахъ воздухъ наполнявшій. Желая узнать отъ чего оное произходитъ, сорвалъ я нѣсколько цвѣтковъ и по обоняніи узналъ, что отъ нихъ самихъ и воздухъ наполнялся симъ сладкимъ и пахучимъ духомъ.

Путь мой продолжалъ я далѣе, размышляя о удивительныхъ видѣнныхъ мною предмѣтахъ. Пѣніе птицъ поражало мой слухъ. Я слушалъ со вниманіемъ ихъ согласное пѣніе и воображалъ что симъ совокупнымъ свистомъ торжествовали они рожденіе дня. Согласнѣе и громчѣе сихъ голоса отвлекли мое вниманіе. Сіи были пастухи игравшіе на свирѣляхъ пѣсни сложенные на прославленіе пріятности покоя и любовныхъ игръ и забавъ. Между сими различными звуками были слышны и того согласнѣйшіе тоны. Я шелъ прямо къ тому мѣсту, откуда оные происходили: приближась ближе, услышалъ я огромную музыку и пріятное пѣніе нѣжнаго голоса. Тутъ пришелъ я во изумленіе и въ задумчивость. Душа моя ощущая попеременно или веселое или печальное

согласіе

согласіе, получала различныя впечатлѣнія: она нечувствительно, то отъ радости въ безпокойство погружалась, то отъ безпокойства паки къ радости преходила. Въ такомъ смятеніи пребылъ я до окончанія сего пріятнаго концерта.

По семъ, о небо! что узрѣлъ я! самую богиню любви, коея зракъ былъ прелестнѣе всего на свѣтѣ. Глаза ея были проницательны, тѣло нѣжное бѣлизною снѣгу, а красотою румянной розѣ уподобляющееся. Въ благородномъ ея видѣ и въ важной походкѣ являлась величественная осанка, а руки ея и ноги имѣли нѣкую прельстительную нѣжность. Я къ ней приближился съ трепетомъ и нѣкое тайное смятеніе и невѣдомое волнованіе отъяло у меня все дѣйствіе языка. Юный иностранецъ, вопрошала она меня, почто ты зашелъ въ сіи мѣста и кого ищешъ?

По образу и голосу призналъ я Емилію. Во время еще юности моей, я зналъ ее довольно: она казалась всегда нечувствительною къ любви не смотря что множество имѣла обожателей: еще тогда горѣлъ я къ ней любовію; но отнюдь не смѣлъ ей въ томъ изъясниться, вѣдая что судьба моя не будетъ щастливѣе прочихъ отъ любви страждущихъ. Я чаялъ что разлука истребитъ ее

совсемъ изъ моихъ мыслей и сердца, ласкался въ томъ успѣхомъ и гордясь холодностїю чувствованїй моего сердца, не страшился уже болѣ ея заразъ. Но любовь всегда нами владычествующая допустила еще разъ ее здѣсь увидѣть и сдѣлала меня изъ простаго плѣнника вѣчнымъ невольникомъ. Я ощутилъ паки страсть, смущенїе и удовольствїе; взиралъ на нее съ робостїю, боясь встрѣтить презрительныхъ ея взоровъ осуждающихъ меня и мою пламенную любовь на вѣчное мученїе. По нѣсколько продолжавшемся молчанїи, прервалъ я оное. Не знаю самъ прекрасная Емилїя, говорилъ я ей, не знаю, что привело меня въ сїи мѣста и чего ищу. Пораженныя различными предмѣтами мои чувства, произвели во мнѣ удовольствїе, коимъ упоенная моя душа до сего часа наслаждалась Но сїи услажденїя тобою прекращены Твое присутствїе раждаетъ во мнѣ первую мою страсть и ты паки воспаляешъ тотъ огнь, которой въ отсутствїи твоемъ тлѣлся въ хладной моей крови Смущенїе мое, безпокойство и мои глаза, сїи вѣрные, но нескромные истолкователи человѣческаго сердца, могутъ тебя довольно вразумить, какїя чувствованїя въ моей душѣ питаю и какою любовїю пылаетъ къ тебѣ мое сердце. Но могу ли я надѣяться на взаимную любовь, или еще и толико долговременное

мое

мое постоянство не преклонило тебя о мнѣ нажалость?

Сердце мое, говорила Емилія, больше къ дружеству, нежели къ любви сродно. Я никогда тебя изъ памяти своей не теряла, но всѣ твои поступки и всѣ чувствованія съ прилѣжнымъ вниманіемъ всечасно наблюдала и разбирала. Отъ времени, обстоятельствъ и отъ тебя самаго теперь зависитъ познать мои къ тебѣ склонности и расположенія. Больше сего не старайся отъ меня узнать. Продолжай свои путь, осматривай все достойное твоего любопытства въ сихъ мѣстахъ и приходи послѣ для упокоянія подъ сѣнь сея рощи. Я буду тамо ожидать и уготовлю тебѣ плодовъ, какія щастливая страна сія произращаетъ. Выговоря сіе, ушла она не медля. Я остался воспламененъ сильнѣйшею любовію и невѣдая совершенно моей судьбы, находился безпрестанно между пріятнымъ восхищеніемъ и мучительнымъ безпокойствіемъ.

Не могши долѣе сносить усиливающагося дневнаго зноя, вошелъ я въ близъ лежащую рощу, дабы подъ тѣнію густыхъ деревъ прохладиться. Сидя тутъ, увидѣлъ я въ концѣ алеи, прилегшей одною стороною къ рощѣ, прекрасной водометѣ, коего біющая въ верхъ вода упадая въ водоемъ,

 соста-

составляла при солнечномъ сіяніи лазуревую радугу. Душевное безпокойство и сердечное волнованіе отвращали меня отъ всего поражающаго и прельщающаго чувства и не дозволяли ни о чемъ больше помышлять какъ о прекрасной Емиліи. Я изображалъ ея имя на пескѣ, изображалъ оное на корѣ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ деревъ. Призывалъ ее и страстными словами изъяснялъ ей мою сильную, мою пламенную любовь. Неизвѣстность не дозволяла мнѣ на одной мысли утвердиться. Сперва старался я всемѣрно о изысканіи всего того, что почиталъ милымъ и пріятнымъ для моей возлюбленной, но сіе покушеніе тогда же отвергалъ приведши на память тщетныя старанія всѣхъ ея обожателей. По томъ вспомня сказанныя ею мнѣ послѣдней разъ слова, толковалъ оныя въ разномъ смыслѣ. По прохлажденіи вставъ я, обозрѣвалъ всѣ окружающіе меня мѣста и приближась къ тѣнистой алеи, увидѣлъ маленькую беседку и къ ней прямо прошелъ. Конечно какъ ниесть забыли, что она была не притворена. Я въ нее вошелъ. Увидѣлъ тутъ нѣсколько картинъ, довольно книгъ и столикъ, на коемъ лежало множество бумагъ. Сіе мѣсто почелъ я обиталищемъ прекрасной Емиліи. Желая узнать образъ ея мыслей, разсматривалъ я съ боязненною робостію все, что мнѣ казалось ея рукою писано.

сано. Попадались стихи, разсужденія, примѣчанія, но все сіе было мнѣ не нужно. Разсматривая съ большимъ прилѣжаніемъ увидѣлъ я нѣсколько листковъ, на коихъ была надпись: *записки моей жизни.* Сіи читалъ я съ величайшею жадностію. Все вниманіе мое и память устремилъ я въ чтеніе сей рукописи и смятенный изумленіемъ не вѣрилъ точности моего разумѣнія и одно мѣсто прочитывалъ раза по три. Въ сихъ запискахъ между прочимъ стояли сіи слова: Я вижу ясно, что дамонъ ищетъ моей дружбы: но стыдъ и робость удерживаютъ его предо мною открыться. Не простително ему, что онъ будучи мужественнѣе меня поддается робости: но не могу и себя оправдать, что слабости своего пола усиливаюсь скрыть притворною важностью и холодностію. Я чувствую видя его отмѣнную радость и не могу спокойна быть ни минуты потерявъ его съ глазъ. Что же такъ можетъ дѣйствовать кромѣ любви? По прочтеніи сего мѣста вся кровь во мнѣ воспылала. Уже духъ мой прелѣталъ все пространство ее со мною раздѣляющее, уже мысленно прикасался я прелестямъ ея, и всѣ услажденія толь живо въ моемъ умѣ изображались, что позабывъ свою дерзость и предстоявшія мнѣ опасности пребылъ долго въ сей бесѣдкѣ жилищѣ моей возлюбленной и

храмѣ, гдѣ благополучїе мое долженствовало совершиться. Наполненный прелестнѣйшими воображенїями увидѣлъ я внезапно пришедшую Емилїю въ видѣ гнѣвномъ. Куда ты зашелъ Дамонъ, говорила мнѣ съ притворнымъ негодованїемъ, что здѣсь дѣлаешъ и почто моей воли не исполнилъ? Я палъ предъ нею на колѣни. Прости, говорилъ я, моей любви, которая здѣлала меня предъ тобою виновнымъ. Въ сїе мѣсто зашелъ я нечаянно: призналъ начертанїе твоей руки, и влекомый любопытствомъ познать твои мысли и сердце, разсматривалъ я всѣ записки твоей жизни. Въ оныхъ узрѣлъ я твой приговоръ мнѣ жизнь, щастье и блаженство обѣщавающїй. Отложи теперь свой гнѣвъ дражайшая Емилїя и позволь наслаждаться удовольствїемъ чувствуемымъ мною въ сей часъ. Выслушавъ сїе она въ лицѣ перемѣнилась, потупила въ землю глаза и помолчавъ нѣсколько говорила мнѣ: сего дерзнованїя отнюдь бы я тебѣ не простила, если бы чрезмѣрная твоя ко мнѣ и сердцу моему прїятная любовь тебя не оправдала. О небо! вскричалъ я съ восторгомъ, какой любовь и радость во мнѣ произвели, надѣялся ли я когда, чтобъ моя любовь была тобою принята безъ презрѣнїя. Я принялъ ея прекрасную руку и цѣлуя стократно изъяснялъ ей перерывчивыми отъ радости словами всю

страст-

страстную и нѣжную любовь мою. Глаза мои встрѣчались съ ея пламеннымъ взоромъ, и казалось что я видѣлъ предъ собою божество красоты безподобной. По семъ радостномъ восторгѣ пребылъ я въ молчанiи, а Емилiя, прервавъ оное говорила мнѣ: встань Дамонъ, тайна уже вся открыта: теперь не нужно больше предъ тобою ни скрываться ни притворствовать: прiйди и укрѣпися пищею мною тебѣ уготованною. Я послѣдовалъ за нею. Столъ уже былъ приготовленъ посредѣ прiятной рощи. Я почувствовалъ охоту къ кушанью и питью. Все казалось мнѣ амвросiею и нектаремъ. Сладкiе яствы весьма были вкусу моему прiятны; но я вкушалъ съ умѣренностiю. Питья утоляющiя жажду и чувства восполяющiя влiяли въ сердца наши веселiе. Емилiя сидѣла возлѣ меня. Прикасаясь ея рукѣ ощущалъ я нѣкое мнѣ неизвѣстное услажденiе, и когда занятъ будучи прiятными воображенiями изъяснялъ ей нѣжность и горячность моей любви, тогда сiе самое прикосновенiе раждало въ душѣ моей несказанныя дѣйствiя.

По семъ она встала и пригласила меня прогуливаться. Солнце уже было на закатѣ и слабымъ оставшимся послѣ полуденнаго своего сiянiя свѣтомъ едва освѣщало землю. Птицы садились по древамъ и по кустамъ.

 Пасту-

Пастухи возвращались съ полей играя пѣсни. Земледѣльцы утомясь отъ понесенныхъ днемъ трудовъ входили паки во свои хижины и невинными забавами наслаждались съ своими подругами. Легкій Зефиръ обтекая неизмѣримое пространство прохлаждалъ и оживлялъ все отъ солнечнаго зноя ослабѣвшее и увянувшее. Звѣзды блистали, и сіяніе ихъ возрастало по мѣрѣ какъ усугублялась нощная темнота. Слышно было пріятное журчаніе ручьевъ и во всемъ являлась тишина вечерняя. Вдали видно было восхожденіе рогатыя луны, коея блѣдная свѣтлость не отнимала блеску у свѣтлыхъ звѣздъ. Казалось что вся натура была покрыта темнымъ покровомъ. Ехо внимая нашимъ словамъ, повторяло оныя, и радостныя мои восторги возносило къ Небожителямъ пекущимся о судьбѣ жителей земныхъ. Густая тѣнь, представляла во всѣхъ мѣстахъ безопасное убѣжище для любящихся. Блѣдный и слабый свѣтъ заставлялъ ихъ пребывать въ осторожной молчаливости, дабы любопытное назираніе людей стороннихъ не открыло таинствъ любовныхъ. Сколь завидовалъ я натурѣ! Все въ ней наслаждалось желаемою тишиною и покоемъ: одно лишъ сердце, одно мое сердце находилось тогда въ безпрестанномъ смятеніи и тревогѣ.

Мы шли тихо не говоря другъ другу ни слова и какъ бы заняты чувствованіями каждому особыми; но скоро прервалъ я сіе молчаніе начавъ расказывать ей о всѣхъ видѣнныхъ мною красотахъ. Наконецъ склонилъ мою рѣчь на нее и на мою любовь. Случай сей весьма способствовалъ къ изъясненію ей моей любви и ко увѣренію ее клятвенными обѣщаніями о вѣчной моей страсти. Сіи разговоры, коихъ пріятность умѣютъ цѣнить одни наслаждающіеся прямою любовью основанною на почтеніи и на дружествѣ, составляли долгое время бесѣдованіе наипріятнѣйшее.

Оставимъ теперь сіи изъясненія, говорила мнѣ Емилія: я желала одна наслаждаться твоимъ присутствіемъ, старалась познать тайны сердца твоего и извѣдать точно твои чувствованія, дабы по тому совершенно увѣриться, могули я на твою ко мнѣ любовь и на вѣрность положиться. Признала въ тебѣ чистосердечіе свойственное благородной душѣ, и вижу въ совершенствѣ всѣ тѣ добродѣтели, коихъ начала были уже примѣтны, когда еще твое юное сердце начинало ощущать дѣйствія страсти, совершившей нынѣ мое благополучіе. Пріиди Дамонъ и будь участникомъ въ забавахъ собраннаго здѣсь любезнаго общества. Ты

узришъ тамо прекрасную Иссею, которая одарена отъ Боговъ всѣми пріятностями и всѣми любезными качествами къ удовольствію людей имѣющихъ съ нею знакомство.

Я слѣдовалъ за Емиліею. Мы вошли въ залу освѣщенную множествомъ огней подобно какъ солнцемъ бываетъ освѣщенъ день среди жаркаго лѣта. Повсюду являлась въ ней пріятная роскошъ, а великолѣпное ея убранство составляли драгоцѣнныя рѣдкости, собранныя изъ всѣхъ странъ свѣта. Въ одномъ мѣстѣ забавлялись смотря какъ щастье и искуство спорили между собою и какъ первое надъ другимъ одерживало побѣду. Въ сраженіи семъ сдавались безъ досады, торжествовали безъ пышности и побѣжденный не негодовалъ на побѣдителя. Въ другой сторонѣ провождали время въ разумныхъ разговорахъ, и изъ вниманія ихъ, смѣха и восхищенія примѣтно было взаимное удовольствіе. Не являлось тутъ никакого огорченія, ниже спору; но все рѣшилось снисходительно и справедливо. Въ одномъ мѣстѣ видно было любезное собраніе друзей, которые мыслями и сердцами казались быть такъ соединены, что все одного привлекающее казалось имъ всѣмъ вниманія достойнымъ. Сія дружелюбная ихъ привязанность являлась

еще больше изъ ласковаго и прïятнаго обхожденïя, какое они другъ другу оказывали Въ другомъ мѣстѣ любовники изъявляли нѣжныя свои чувствованïя своимъ любезнымъ. Смотря на сïе удивлялся я разнообразности чувствованïй человѣческихъ. Иной въ любовномъ восторгѣ стоялъ предъ своею любовницею изумленнымъ и приводилъ ее въ прïятное замѣшателство: другой видя упорность своей преклонялъ ее къ любви умильнымъ взоромъ и ласковыми убѣжденïями. Одни стояли въ молчанïи и разговаривали, или сердечными вздохами, или перемигиванïемъ глазъ: прочïе улыбались, смѣялись и резвымъ дѣйствïемъ рукъ изъявляли свою радость и восхищенïе. Нѣкоторые гордились своею побѣдою, другïе лестными привѣтствïями, страсными выраженïями и клятвами убѣждали несговорчивую любовь. Всѣ сïи прïятности имѣли въ себѣ нѣчто такое плѣнительное, что всякъ упражняющïйся оными вкушалъ сладостное удовольствïе и кромѣ себя и своей любезной все позабывалъ на свѣтѣ.

Нѣкïе философы собравшися разсматривали звѣзды и преподавали поученïя женщинамъ, кои любопытствовали узнать изъ устъ сихъ премудрости поучителей о состоянïи и свойствѣ разсѣявшихся по небесно-

му

му пространству звѣздъ, не увеличивающихся ни посредствомъ телескопа, ниже померкающихъ отъ вечерняго свѣтила; но всегда собственным свѣтомъ сіяющихъ и кои сколько простолюдину кажутся маловажны, столько въ очахъ разумнаго являются преизящнымъ чудомъ Всевышняго Строителя. Сіи Философы изъясняли небесныя преудивительнѣйшія явленія, доказывали что небо, сіе неподвижное и не обращающееся около мірной точки, называемой землею, пространство, есть безпредѣльная твердь, на коей безсчетное множество разнообразныхъ міровъ имѣютъ свое теченіе и свои перемѣны. Всякъ слушая сіе изумлялся и внимая съ прилѣжностію чувствовалъ себя исполненна священнымъ удивленіемъ къ величію чудесъ въ естествѣ зримыхъ, чуждаяся сомнѣнія и отвергая всѣ нелѣпости родящіяся отъ предразсужденія.

Игры, дружество, любовь, забавныя разума упражненія и всѣ возможныя увеселенія были собраны въ сіи мѣста; но сердце мое ни чемъ не плѣнялось. Тщетно, говорилъ я Емиліи, тщетно ищешъ ты утѣшить меня сими пріятностями. Повѣрь, что никакія уже забавы не могутъ господствовать надъ сердцемъ пріобыкшимъ видѣть не оцѣненныя твои прелести, и восхищаться

чувство-

чувствованіями той райской сладости, которую однимъ любящимся вкушать натура дозволила. Едва окончилъ я сіе, внезапно предсталъ моимъ глазамъ Лизандръ, другъ мой любезнѣйшій, котораго и десятилѣтняя разлука не истребила изъ моей памяти и сердца. Оба летѣли мы другъ къ другу въ объятія. Въ какомъ радостномъ восторгѣ находился я! Какими восхищенными чувствіями была исполнена въ сей часъ моя душа! Прости мнѣ, о нѣжная любовь! что я въ тотъ часъ не плѣнялся больше тобою. Прости и еще прошу, что я позабывъ твои права, дозволилъ дружеству восторжествовать надъ тобою. Все время препроводили мы во взаимныхъ вопрошеніяхъ и отвѣтахъ и вмѣсто отдохновенія обнимали другъ друга съ сердечною нѣжностію. Такой другъ достоинъ былъ моей совершенной привязанности и прямо заслуживалъ, чтобы я собравъ всѣ радостныя моего сердца чувствованія, изъявилъ ему мое усердіе и мою любовь.

Лизандръ и я съ самаго дѣтства препроводили время вмѣстѣ: онъ былъ свидѣтелемъ моего враждебнаго рока и всегда раздѣлялъ со мною и мои веселія и мои страданія. Тогда еще зналъ я, сколь онъ кротокъ, вѣжливъ, благоразуменъ, великодушенъ и нѣженъ. Временно погружался онъ въ задумчивость

сродную

сродную людямъ пріобыкшимъ къ размышленію, былъ строгъ въ надлюденіи предположенныхъ правилъ и всякой день, когда былъ уединенъ, изслѣдывалъ мысленно не только свои дѣла и рѣчи, но даже самыя мысли и душевныя стремленія. Если когда случалось, что сердечныя его движенія приводили въ недѣйствіе силы здраваго его разсудка или сей приводилъ оныя въ ослабленіе, тогда меньше, или больше осуждалъ онъ себя, или оправдалъ смотря на качества своихъ слабостей, или постоянство своего благоразумія. Онъ ничего не охуждалъ, ничего не одобрялъ кромѣ того, что было противно, или согласно превѣчному уставу основанному на самомъ естествѣ и премудрымъ законоположеніямъ установленнымъ по соображенію съ свойствомъ, пользою, выгодами и благоденствіемъ человѣка живущаго въ общежитіи. Вотъ прямое изображеніе нрава и свойства моего друга, который при всемъ томъ былъ ласковъ, снисходителенъ и благосклоненъ ко всякому. Я представилъ его Емиліи говоря: вотъ другъ мой, о коемъ нѣкогда я тебѣ сказывалъ. Ахъ! сколько бы я былъ щастливъ, если бы и въ любьви достигъ всѣхъ тѣхъ пріятностей и удовольствій, какія мнѣ сей день дружество даровало!

Подлѣ Емилїи стояла прекрасная Иссея. Благопрїятствующая натура одарила ее всѣми совершенствами, какїе только къ наружному ея украшенїю служить могли и не оставила ни единаго недостатка во всемъ ея образованїи. Тѣлеснымъ ея прелестямъ соотвѣтствовали качества душевныя. Она имѣла острое проницанїе, разумъ просвѣщенный познанїями и мысли свои изображала весьма порядочно. Въ разговорахъ важныхъ уважала она дѣла и вещи основательными разсужденїями, а въ забавныхъ украшала оныя прїятностїю и острыми замыслами. Однимъ словомъ, ея рѣчи, поступки и обращенїя употребляемыя съ нѣкоторою осторожностїю и принаровленїемъ не имѣли въ себѣ ничего противнаго ниже досаднаго и всякъ будучи въ сообществѣ съ нею, почиталъ препровожденїе времени прїятнымъ.

Лизандръ вѣдая мое благополучїе завидовалъ оному не какъ соперникъ, но какъ другъ. Иссея казалась ему часъ отъ часу прелестнѣе. Онъ слушалъ со вниманїемъ ея слова и изреченїя, любовался лишъ одними ей любезными предмѣтами и духъ свой старался во всемъ образовать подобно ея преизящной душѣ. Но мысль его безпрестаннымъ колебалась сомнѣнїемъ, чувствуетъ ли его любезняя взаимно ту склонность, влеченїя

и страсть, какую онъ ощущалъ въ своемъ сердцѣ. Печальныя страсти ослабляли постепенно душевмую его бодрость, однако не смѣлъ онъ ни предъ любезною изъясниться, ниже мнѣ повѣрить тайны. Долго пребывалъ онъ объятъ сѣтованїемъ, долго оставался въ нерѣшимости открыть ли и кому прежде свое сердце. Наконецъ усилившаяся любовь не дозволяла ему дѣлать никакихъ болѣ размышленїй. Онъ подошелъ ко мнѣ, отвелъ на сторону и открылъ мнѣ всѣ свои страданїя: убѣждалъ меня прозьбою, чтобъ я взялся извѣдать чувствїя Иссеи, изъяснилъ бы ей его страстную и пламенную къ ней любовь и увѣрилъ бы ее что онъ ни жизни, ни щастья не пожалѣетъ принести въ жертву, если то ей будетъ угодно. О семъ объявилъ я Емилїи. Иссея смотрѣла на Лизандра съ притворною холодностїю, но внутренно ощущала къ нему страсть непреодолимую. На всѣ мои слова, на всѣ мои убѣжденїя казалась она быть непреклонною. Видя сїе препоручилъ я за себя говорить Емилїи Она стала подтверждать мои слова, открыла ей свое сердце, дабы тѣмъ удобнѣе заманить ее къ признанїю и представя живо всѣ отъ союза сего прїятности, привела несговорчивую любовницу въ толикое воспаленїе, что притворство принуждено было уступить чистосердечїю и она наконецъ

нецъ призналась, что Лизандра любитъ и желаетъ вѣчнымъ союзомъ съ нимъ соединиться. Услыша сїе, подвелъ я къ ней моего друга предваря его о щастливомъ успѣхѣ его желаній. При возвѣщенїи сего, появилась въ лицѣ его паки живость, а въ обращенїи смѣлость. Не видно уже стало въ немъ прежняго смущенїя: томныя его глаза и унылая рѣчь перемѣнились, душевныя его силы паки пришли въ бодрость и сердце горестїю до того снѣдаемое, трепетало отъ радости и удовольствїя. Онъ подошелъ къ ней и давъ первымъ своимъ движенїямъ успокоиться началъ ее увѣрять искренними увѣренїями въ любви, и обѣщавалъ вѣчно въ своемъ сердцѣ сохранить всю страсть и нѣжность, коими сердце его напоенно. На сїе дѣлала Иссея взаимныя увѣренїя, какїя токмо сердце въ уста ея влагало. Между тѣмъ по повелѣнїю Емилїи все было уготовлено къ торжествованїю брака. Мы всѣ чертверо въ препровожденїи собранїя предстали предъ олтарь, клялись другъ другу хранить вѣрность и въ присутствїи всѣхъ взаимнымъ объятїемъ свидѣтельствовали нашъ вѣчной союзъ.

По совершенїи бракосочетанїя возвратились мы и все собранїе въ великолѣпно убранную залу. Тамо происходило празднество со всею пышностїю приличною сугубому бракосоче-

сочетанію. По наступленіи ночи были мы препровождены всѣмъ собраніемъ въ брачные чертоги. Но едва лишъ погасилъ я брачные свѣщи, какъ вдругъ страшное чудовище предстало предъ меня и разинувъ зѣвъ пламень изрыгающій стремилось меня поглотить. Отъ ужаснаго страха я вострепеталъ, содрогнулся и пробудясь потерялъ со сномъ и мою возлебленную Емилію

